

Андрей Владиславович  
ГАНИН

**ПОДГОТОВКА КАДРОВ  
УКРАИНСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА  
В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ  
И ЭМИГРАЦИИ (1917—1924 ГГ.)\***

*«Не так-то легко скоро бути  
старшиною Генерального штабу».*

Из вводной лекции по стратегии  
генерала Г.Е. Янушевского в Калишском лагере.  
Ноябрь 1921 г.<sup>1</sup>

История возникновения и развития национальных армий эпохи Гражданской войны в России на протяжении уже двух десятилетий привлекает самое пристальное внимание исследователей из бывших республик СССР, ныне — независимых государств ближнего и дальнего зарубежья. Тем не менее, многие сюжеты, связанные с этой темой, до сих пор не получили должного освещения, а некоторые подверглись серьезному искажению, обусловленному текущим политическим заказом в соответствующих государственных образованиях. Что касается отечественных авторов и читателей, то они практически не знакомы с рассматриваемой проблематикой.

Одним из сюжетов, который до сих пор практически не привлекал внимания исследователей, является история подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба в период Гражданской войны и в эмиграции в 1917—1924 гг. Речь идет об одном из важных аспектов военного строительства антибольшевистских правительств украинской Центральной Рады, Украинской Державы и Украинской Народной Республики (УНР).

---

\* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914-1922 гг.)». Выражаю благодарность к.и.н. М.А. Ковальчуку (Киев) за уточнение инициалов ряда офицеров и за предоставление копий работ некоторых современных украинских исследователей.

Этот сюжет может быть хронологически разделен на два периода. Первый период охватывает подготовку украинских национальных кадров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. К этому времени относится ряд неудачных попыток открытия украинской военной академии или ускоренных курсов Генштаба, а также дискуссия по этому вопросу в украинском военно-политическом руководстве. Второй, гораздо более насыщенный важными для данной темы событиями, период — подготовка национальных кадров Генерального штаба в эмиграции. Здесь речь идет об истории специальных курсов Генштаба, открывшихся в украинском беженском лагере Калиш в Польше уже после того, как украинские вооруженные формирования были вытеснены частями Красной армии с территории Украины, а Гражданская война на Украине, в основном, завершилась. Кроме того, ко второму периоду относится немаловажный вопрос подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба в иностранных военных академиях.

Проблема подготовки кадров Генерального штаба носит специальный характер, а, поскольку в годы Гражданской войны эта подготовка на Украине так и не была налажена, и планы открытия национальной военной академии остались на бумаге, этот сюжет практически не привлекал внимания исследователей. Пожалуй, единственное исключение составила кандидатская диссертация Н.В. Герасименко, посвященная подготовке украинских офицерских кадров в 1917–1920 гг.<sup>2</sup> Однако в этой работе вопрос об открытии украинской военной академии лишь упоминается.

Существенно больше внимания исследователи уделили вопросу подготовки украинских кадров Генштаба в эмиграции. Но даже в специальных исследованиях по украинской военной эмиграции этот вопрос рассматривался вскользь, без подробностей, что связано с труднодоступностью документов по этой теме, в том числе для украинских исследователей, казалось бы, наиболее заинтересованных в изучении этого сюжета. Основным исследователем, изучавшим этот вопрос, является украинский историк И.В. Срибняк, который проанализировал деятельность курсов на материале документов, сохранившихся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления

Украины (ЦДАВОУ) в Киеве<sup>3</sup>. Однако вне поля зрения Срибняка оказались не только многие документы, хранящиеся в Киеве, но и все материалы, отложившиеся в архивах России и Польши, что существенно обедняет его работу. Другой украинский автор, А.Н. Колянчук в книге об украинских эмигрантах в Калише вообще обошел курсы своим вниманием<sup>4</sup>. В еще одной своей работе, посвященной украинской военной эмиграции в Польше, он затронул вопрос о курсах, но использовал лишь отдельные документы польских архивов, при том, что практически не знаком с киевскими документами и вовсе не знаком с документами российских архивов по этой теме<sup>5</sup>. Кроме того, опубликованные им данные о курсах носят очень краткий, практически иллюстративный и, как представляется, довольно бессистемный характер. Более того, и Срибняк и Колянчук в своих работах применительно к подготовке кадров Генштаба допустили целый ряд неточностей.

Таким образом, до сих пор никем из исследователей детально на основе всей совокупности сохранившихся документальных материалов рассматриваемая проблема не изучалась. Также нельзя не отметить, что украинские авторы не дают объективной оценки этого аспекта национального военного строительства, игнорируя такие острые проблемы, как отсутствие в украинских войсках подготовленных национальных кадров Генштаба и вынужденная опора петлюровских государственных деятелей на бывших генштабистов русской армии при наличии махровой русофобии и недоверия к этим специалистам.

На мой взгляд, крайне важно разобраться в том, почему украинскому руководству так и не удалось организовать подготовку кадров Генштаба в тот период, когда такие специалисты были ему наиболее необходимы — непосредственно в ходе Гражданской войны. Не менее важен анализ причин подготовки украинских кадров Генштаба уже в эмиграции, вклада в такую подготовку бывших русских генштабистов, сделавших в годы Гражданской войны выбор в пользу украинской армии. Кроме того, небезынтересно всесторонне рассмотреть вопрос соотношения русского и украинского начал в подготовке офицеров-генштабистов, идейные взгляды преподавателей и слушателей. Наконец, в рам-

ках изучения темы развития Генерального штаба в эпоху Гражданской войны важно исследовать сам ход учебного процесса и его итоги.

Идея подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба возникла еще в 1917 г., в ходе украинизации русской армии. Так, в начале октября 1917 г. представитель украинской Центральной Рады при Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) просил о выделении среди обучающихся на ускоренных курсах Николаевской военной академии 3-й очереди отдельной квоты для 15 украинских офицеров, «предназначаемых для штабов украинизируемых дивизий и корпусов»<sup>6</sup>. Польские офицеры такую квоту тогда получили, но в отношении украинцев было принято другое решение. Начальник Генерального штаба генерал-майор В.В. Марушевский телеграфировал генерал-квартирмейстеру Ставки генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу 5 октября 1917 г., что, по его мнению, «создание офицеров Генерального штаба специально для украинских дивизий внесет путаницу в прохождение службы Генерального штаба. Генеральный штаб должен быть единый»<sup>7</sup>. Дитерихс на это ответил: «Наштаверх и я совершенно согласны с вашим мнением, а потому командирования не будет»<sup>8</sup>. Соответственно, украинское руководство могло рассчитывать не на национальную квоту, а только на тех офицеров, которые попали в академию на общих основаниях, а затем перешли на службу Украине.

С возникновением украинских национальных вооруженных сил вопрос о пополнении Генерального штаба национальными кадрами приобрел еще большую остроту. Но реальная возможность для успешного решения этого вопроса появилась только в 1918 г. при гетмане Украинской державы П.П. Скоропадском, когда возникла идея подготовки национальных кадров Генштаба<sup>9</sup> и создания украинской военной академии<sup>10</sup>.

17 июня 1918 г. была образована специальная комиссия по созданию военных школ и академий под председательством профессора Николаевской военной академии генерала Н.Н. Головина, а с 28 июня — еще одного профессора старой академии генерала Н.Л. Юнакова, занимавшаяся выработкой положения и устава академии<sup>11</sup>. Комиссия выработывала порядок, время и место от-

крытия украинской академии Генштаба, разрабатывала вопросы ее организации, внутреннего порядка, объемов учебной и строевой подготовки, продолжительности обучения, комплектования переменным составом, прав и обязанностей слушателей и условий выпуска. Велась разработка учебных программ. Фактически комиссия проработала более четырех месяцев, до 1 ноября 1918 г.<sup>12</sup>

Параллельно шла разработка принципов службы офицеров украинского Генерального штаба. Предполагалось комплектовать корпус офицеров Генштаба как из выпускников старой академии Генштаба, так и путем создания национальной академии. Как и в старой русской армии, офицеры получали право поступать в украинскую академию Генштаба после трех лет строевой службы<sup>13</sup>.

Внутри комиссии работала секция высших военно-учебных заведений под руководством профессора инженерной академии генерального хорунжего В.Н. Полянского, а затем генерального значкового Н.Л. Юнакова<sup>14</sup>. В состав секции входили генеральные значковые: Юнаков, С.Н. Дельвиг, А.М. Саранчов, а также несколько десятков офицеров в более низких чинах<sup>15</sup>. По мнению генерала Полянского, «основная цель высшего военного образования офицеров — это дать практических работников, способных проявить творческую деятельность в различных областях военного дела, на высших командных и административных должностях»<sup>16</sup>. Генерал выступал за развитие прикладного метода обучения, введшегося еще в Николаевской военной академии накануне Первой мировой войны. Предполагалось, что Государственная военная академия будет готовить именно практиков, а программа обучения должна включать такие дисциплины, как: наука о войне со сведениями из социологии, стратегия, военная история, военная психология, государствоведение, политэкономия, общая философия с логикой, методология военной науки и военного искусства, история военного искусства<sup>17</sup>. Кроме того, в состав академии в августе 1918 г. было предположено включить и научно-технический отдел для руководства подготовкой инженерных кадров<sup>18</sup>.

Интересно, что комиссия Юнакова работала независимо от главного военно-учебного управления. Между двумя органа-

ми существовали идейные расхождения: в комиссии состояло немало генштабистов старой русской армии, которые, по свидетельству очевидца, считали своей задачей подготовку российских офицерских кадров<sup>19</sup>, тогда как во главе управления стоял не генштабист, а военный инженер генерал А.С. Астафьев, принадлежавший к числу радикальных украинских националистов<sup>20</sup>. В 1918 г. для «ширости» Астафьев сменил свою русскую фамилию на украинскую «Остапура-Степовий», и даже в своем внешнем облике, насколько можно судить, стремился подражать запорожским казакам<sup>21</sup>. Астафьев вокруг себя собирал националистически настроенных единомышленников (в том числе офицеров Генштаба). Его сподвижниками по службе в управлении были такие знаковые для украинского национального движения в армии фигуры, как офицеры В.П. Сальский, В.П. Евтимович, А.П. Чернявский, активный деятель украинской автокефальной церкви чиновник П. Опаренко и другие. Привлекая к подготовке офицерских кадров галицийских украинцев, Астафьев заявлял: «Наша мука, галицийские дрожжи. Из этого должно получиться хорошее печенье»<sup>22</sup>. Астафьев и его соратники лично подбирали плакаты и лозунги для обязательного размещения во всех военно-учебных заведениях. Некоторые из плакатов и лозунгов носили ярко выраженный антирусский характер (например, «Хоч забий москаля, то він зуби вискаля») <sup>23</sup>. Понятно, что с таким человеком многим бывшим русским офицерам было не по пути. Тем не менее, генерал Юнаков умел находить с ним общий язык, а позднее даже стал его преемником на посту начальника управления.

20 сентября 1918 г. военный министр генеральный бунчукный А.Ф. Рогоза подписал приказ № 258 об утверждении штатов военной академии<sup>24</sup>. 21 октября 1918 г. был даже составлен список офицеров, которых предполагалось туда командировать<sup>25</sup>. Интересно, что в этом списке были указаны выпускники ускоренных курсов Николаевской академии Генерального штаба, надевшиеся на продолжение своего военного образования.

Украинское военное руководство в начале октября 1918 г. рассчитывало привлечь к преподаванию наиболее известных военных авторитетов того времени. Так, 2-й генерал-квартирмейстер генеральный хорунжий А.И. Прохорович (именно в его

подчинении находилось главное военно-учебное управление, ведавшее подготовкой офицерских кадров) через украинского консула в Москве собирался предложить профессорскую должность в Государственной военной академии в Киеве известному военному ученому бывшему Генштаба генерал-майору А.А. Незнамову, служившему к тому времени в Красной армии<sup>26</sup>. Как видно, украинцы не останавливались перед переманиванием высококвалифицированных специалистов из других армий.

Был составлен и кандидатский список на занятие должностей в Государственной военной академии или в Высшей военной школе, как ее еще называли (вероятно, по французскому образцу). Начальником академии предполагалось назначить Генштаба генерал-лейтенанта А.К. Келчевского, правителем дел — Генштаба полковника В.К. Шевченко, в качестве заведующего издательской частью и помощника правителя дел по учебной и издательской части был намечен Генштаба сотник И.А. Чернявский (в документе указан как подполковник), штаб-офицером, заведующим обучением, предполагалось назначить Генштаба генерал-майора М.В. Баскова (в документе указан как полковник). Профессорами академии были намечены генеральный значковый Н.Н. Головин, генеральный хорунжий В.В. Буняковский и уже упомянутые Келчевский и Незнамов. Штатными преподавателями были предварительно намечены генеральные хорунжие Н.Г. Архипович (военная психология и педагогика) и А.Я. Шайбле (тактика дивизии)<sup>27</sup>. Кандидатами в инспектора классов на октябрь 1918 г. значились генеральные хорунжие В.В. Суходольский, К.И. Сычев и Ф.Н. Романов<sup>28</sup>.

29 октября 1918 г. Совет министров утвердил штат академии и ассигновал на ее работу 100 000 карбованцев, кроме того, до 1 января 1919 г. было намечено выделить еще 136 455 карбованцев<sup>29</sup>. Приказом армии Украинской державы № 212 в тот же день, 29 октября, начальник главного военно-учебного управления генерал Юнаков был назначен начальником Государственной военной академии, а начальник отдела заграничной связи ГУГШ полковник Шевченко — правителем дел академии<sup>30</sup>. 12 ноября приказом № 256 были назначены: инспектор классов офицерской школы сотник Чернявский — помощником правителя дел

и заведующим издательской частью академии, помощник начальника разведывательного отдела ГУГШ войсковой старшина А.А. Матвиенко — штаб-офицером, заведующим слушателями, войсковой старшина К. Алексеев — заведующим хозяйством, генеральный хорунжий П.Ф. Старк — библиотекарем. Были даже назначены врач, переводчик, чиновники и делопроизводитель по хозяйственной части<sup>31</sup>. Таким образом, подготовка открытия академии была близка к завершению.

Начальник академии генерал Юнаков (06.12.1871–01.08.1931) был яркой личностью. Генерального штаба генерал-лейтенант русской армии, профессор Николаевской военной академии, известный военный историк<sup>32</sup>, он самим фактом своего руководства украинской академией повышал ее статус и авторитет, олицетворяя преемственность со старой российской академией Генштаба. К тому же Юнаков был сторонником новых методов практической подготовки слушателей<sup>33</sup>.

Слушатели академии не скупались на восторженные отзывы в адрес Юнакова. Так, по мнению Б.М. Шапошникова, «симпатичный и скромный, хорошо относившийся к офицерам, он много занимался историей русского военного искусства. Во время мировой войны я встретил его уже начальником штаба армии. В этой должности он оказался середняком. Поговаривали, что от работы его отвлекала скрипка, игрой на которой увлекался наш уважаемый воспитатель»<sup>34</sup>.

Полковник В.Н. Петров, служивший в 1918 г. вместе с Юнаковым в Киеве, вспоминал: «Ген. Юнаков — человек необычайно честный. Приняв обязанности от украинской власти, выполнял их очень добросовестно, упорно учился украинскому языку, принуждал к этому и подчиненных, много работал над созданием украинских [военных] школ и, наконец, когда увидел, что все его усилия разбиваются о стену безразличия гетманской власти и противодействие немцев, вышел в отставку»<sup>35</sup>. Петров отметил и то, что Юнаков протезировал не вполне лояльным гетманскому режиму офицерам. Педагогическая работа была для Юнакова наиболее подходящим занятием, поскольку на военно-административной и штабной работе он себя проявил не с лучшей стороны, в особенности заняв в 1919 г. ответственный пост начальника шта-

ба головного атамана С.В. Петлюры, а позднее, в 1920 г. — военного министра УНР.

Сам Юнаков вспоминал, что в 1917 г. столкнулся с недоверием украинских политических деятелей, считавших его русским генералом. В их понимании, еще одним недостатком Юнакова было незнание генералом украинского языка. Кроме того, он весьма осторожно относился к вопросу украинизации частей русской армии<sup>36</sup>. Разумеется, Юнаков позднее пытался реабилитироваться в глазах националистов. Кстати, гетман Скоропадский на аудиенции, данной Юнакову, не сказал ему ничего, кроме того, что тот должен служить независимой Украине и усовершенствовать свой украинский язык<sup>37</sup>.

Сохранились и критические оценки деятельности генерала Юнакова. Так, например, в ноябре 1919 г. сторонник Белого движения подполковник Я. Макогон в докладе российскому военному агенту в Польше охарактеризовал Юнакова следующим образом: «Нач[альник] шт[аба] Верховглавка: ген[ерал]-лейт[енант] профессор Юнаков. По отзывам учившихся у него офицеров генштаба российского был заурядный, Америки не выдумал. Окончил войну командующим 8 армией. На бумаге считается нач[альником] укр[аинской] академии генштаб[а]. Предан Петлюре, ходит перед ним на задних лапках, был помощником генер[ала] Осецкого, столкнул его и занял его место. После этого стал «щирым», стал разговаривать только по-украински и отказывался из трусости помогать арестованным офицерам. Лично страшный трус и человек с покладистой совестью»<sup>38</sup>. Думается, наиболее объективна оценка Юнакова, данная одним из видных украинских политических деятелей, И. Мазепой, как «человека теоретически очень образованного, но малопригодного для такой роли, как руководство штабом главного командования. Это был старый кабинетный ученый, а не руководитель армии на поле боя, да еще в условиях чрезвычайно сложной и запутанной политической ситуации»<sup>39</sup>.

25 ноября 1918 г. начальник ГУГШ генеральный хорунжий А.Н. Шуберский просил ректора Киевского государственного университета выдать необходимые для открытия академии вещи. В своем обращении Шуберский обратил внимание на неустой-

чивость политической обстановки на Украине и просил адресата поторопиться: «Придавая этому вопросу крайне спешный и неотложный характер в связи с нынешней мишурой, я прошу Вас сделать по данному вопросу немедленные распоряжения, о чем не отказать меня поставить в известность»<sup>40</sup>. 30 ноября гетман Украинской державы П.П. Скоропадский утвердил штаты академии.

Подготовка к открытию украинской академии Генштаба осенью 1918 г. шла полным ходом. Оно было намечено в Киеве на 1919 г., но поражение Германии в Первой мировой войне, свертывание немецкого присутствия на Украине и антигетманское восстание привели к падению режима Скоропадского, и академия открыта не была.

Тем не менее, идея ее создания продолжала существовать и при сменившем гетманскую власть режиме Директории УНР. В конце декабря 1918 г. планы открытия академии были подтверждены новыми властями. Начальником академии остался генерал Юнаков, хотя прежний состав служащих был уволен еще 18 декабря приказом Головной команды УНР<sup>41</sup>. Предполагалось также открыть при академии краткосрочные курсы, чтобы усовершенствовать подготовку выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии для дальнейшего назначения их на должности по Генштабу. Планы открытия курсов для высших начальников (начальников дивизий и командиров корпусов, а также для высокопоставленных работников военного министерства, которые уже обладали академическим образованием) существовали и при Скоропадском<sup>42</sup>, однако этот проект также не получил практического воплощения. Резкое сокращение количества офицеров-генштабистов в украинских национальных формированиях в конце 1918–1919 гг. в связи с их массовым оттоком на белый Юг<sup>43</sup>, финансовые трудности не позволили и Директории открыть в 1919–1920 гг. военную академию и приступить к занятиям.

Между тем, военный министр УНР полковник В.Н. Петров 3 ноября 1919 г. отмечал в докладе головному атаману С.В. Петлюре, что в украинской армии назрела необходимость открытия ускоренных курсов академии Генштаба. Петров жаловался на большой недостаток генштабистов как в штабах действующей ар-

мии, так и в штабах центральных учреждений. Пополнение генштабистами русской армии Петров считал невозможным, поскольку они претендовали на ответственные должности, тогда как армия нуждалась, прежде всего, в младших офицерах Генштаба, количество которых никак не пополнялось.

По мнению Петрова, открывать украинскую военную академию было несвоевременно, но выход из положения ему виделся в создании ускоренных курсов службы Генштаба при ГУГШ, не менее чем на 25 слушателей, чтобы все соединения не ниже дивизии, а также штабы групп, армий и центральные учреждения могли командировать на курсы одного — двух офицеров. Ответственность за исполнение, по мнению автора доклада, следовало возложить на начальника ГУГШ<sup>44</sup>.

Начальник ГУГШ генерал С.И. Дядюша разработал положение о курсах и даже сделал расчеты по оплате труда преподавателей. Один час лекций оценивался в 200 гривен, проверка на дому практических задач — в 300, репетиция или экзамен — 400, практическая полевая поездка — 500<sup>45</sup>. Кроме того, были намечены квоты для зачисления на курсы: от Надднепрянской армии — 14 офицеров, от Надднестрянской армии — 7 офицеров, от центральных учреждений военного министерства — 4 офицера. Срок обучения планировался трехмесячный<sup>46</sup>. На курсах должны были преподаваться военные науки (тактика, служба Генерального штаба, инженерное искусство, артиллерия (техника), топография, военная администрация, военная география (необязательно)) и украиноведение. Стратегия и военная история должны были изучаться в рамках курса тактики, на который выделялось не менее половины всего учебного времени<sup>47</sup>. Предполагалось, что выпускники могли назначаться на должности до начальников штабов дивизий включительно и впоследствии без экзаменов поступать в военную академию. По имеющимся данным, положение было утверждено Петлюрой 7 ноября 1919 г.<sup>48</sup>, но дальше этого дело не двинулось в связи с неудачами на фронте.

Лишь в 1920 г. этот вопрос был переведен в практическую плоскость. Импульс для работы в этом направлении был задан событиями советско-польской войны, в которых армия УНР участвовала как союзница польской армии, что, очевидно, повы-

шало ее статус на международной арене. Соответственно, в такой армии должны были быть в достаточном количестве и офицеры-генштабисты. О существовании связи между подготовкой национальных офицерских кадров и заключением украинско-польского союза в 1920 г. писал генерал В.Н. Петров<sup>49</sup>.

3 июня 1920 г. положение о курсах для подготовки офицеров штабной службы было внесено на рассмотрение Военного совета УНР<sup>50</sup>. Начальник Генштаба генерал В.А. Синклер сообщал главному атаману С.В. Петлюре 24 августа 1920 г., что в будущем намечено развертывание украинской армии и увеличение в ней числа офицеров Генштаба. Текущую численность генштабистов примерно в 25 офицеров автор документа оценивал как недостаточную даже для имевшейся армии и предлагал три варианта пополнения кадров Генштаба: вызов на украинскую службу офицеров Генштаба из-за рубежа, командировки украинских офицеров в зарубежные военные академии или же открытие собственных ускоренных курсов, а затем и академии Генштаба.

Автор документа детально разъяснял Петлюре преимущества и недостатки каждого из предложенных им вариантов. Очевидно он был сторонником третьего варианта<sup>51</sup>, однако Петлюра предложил составить кандидатские списки как для командирования в зарубежные военные академии (французскую, румынскую и польскую), так и для зачисления на украинские курсы. Головной атаман считал необходимым разработать программы и штаты курсов «нашими собственными силами, которых, я полагаю, у нас достаточно»<sup>52</sup>. Петлюра также предложил пригласить генштабистов из Франции через МИД.

В соответствии с распоряжением Петлюры в августе 1920 г. началось составление кандидатских списков будущих слушателей<sup>53</sup>. За возможность учиться на курсах развернулась настоящая борьба, тем более что в украинской армии оказалось некоторое количество офицеров, которым получение высшего военного образования было обещано ранее. Так, например, начальник оперативного отдела штаба действующей армии УНР (с 16 сентября 1920 г.) подполковник Д.П. Яроцкий был командирован на ускоренные курсы академии в Петроград еще в июне 1917 г., но поездка сорвалась в связи с переводом на новое место службы, не

предоставившее офицеру соответствующей вакансии. В сентябре 1919 г. он был принят на украинские курсы Генштаба, которые должны были открыться при начальной команде (верховном руководящем органе) Украинской галицийской армии<sup>54</sup>. В итоге 25 июля 1920 г. Яроцкого просто причислили к Генштабу как имеющего практический опыт, хотя в академии он вообще не учился<sup>55</sup>. Пример Яроцкого был достаточно характерен: к концу Гражданской войны в украинской армии было уже немало офицеров, которые не имели никакого академического образования, но по необходимости в годы войны выполняли обязанности офицеров Генштаба и обладали солидным практическим опытом. Вполне естественно, такие офицеры имели все основания рассчитывать на попадание в кандидатские списки курсов в первую очередь.

Другим представителем этой категории офицеров был сотник А.А. Бакало, прослуживший на штабных должностях в украинских формированиях с 1917 по 1920 г. Бакало в прошлом был студентом первого курса Киевского государственного университета, активно участвовал в украинизации русской армии. В январе 1919 г. в Киеве он записался в кандидатский список ускоренных курсов академии Генштаба, которые так и не открылись. Бакало слабо владел иностранными языками, но писал, что часто ощущал нехватку теоретической подготовки и просил зачислить его на курсы<sup>56</sup>.

Еще больше оснований продолжать военное образование имели офицеры, прослушавшие какую-то часть академического курса в Петрограде. Вполне естественно, запросы у таких офицеров были выше. Например, подполковник А.А. Степанов (Стефанов), окончивший ускоренный младший класс 2-й очереди Николаевской военной академии, 11 октября 1920 г. просил командировать его не на украинские курсы, а в одну из зарубежных академий — в Германию или при невозможности — в Польшу для «полного и систематичного завершения военного высшего образования»<sup>57</sup>. Степанов знал немецкий и польский языки, слабее — французский. При этом он представил блестящую аттестацию, данную командиром дивизии<sup>58</sup>.

Другую категорию составляли офицеры, желавшие получить дополнительное образование. Например, поручик П.С. Бордонис 3 сентября 1920 г. подал рапорт на имя начальника инспекторс-

кого отдела штаба армии о занесении его в кандидатские списки на отправку в будущем в зарубежную академию Генштаба или на украинские курсы. Аргументировал он необходимость этого тем, что до Первой мировой войны был студентом, за шесть лет войны получил боевой опыт и знал иностранные языки<sup>59</sup>.

Желающих обучаться и имевших все основания требовать зачисления на курсы, было немало, в связи с чем возник вопрос о критериях отбора слушателей. Одним из основных являлось знание иностранных языков. Однако немалая часть желающих обучаться стремилась отнюдь не на украинские курсы, а в иностранные военные академии. Достаточно отметить, что, по данным на октябрь 1920 г., из девяти офицеров 6-й стрелковой дивизии, желавших продолжить обучение, семеро хотели попасть в польскую военную академию и только двое — на украинские курсы<sup>60</sup>. Подобное желание можно понять, тем более что польская академия уже функционировала, а украинские курсы еще предстояло открыть. Другим возможным объяснением стремления в зарубежные военные академии могло быть желание покинуть украинскую армию под таким благовидным предлогом. Так, из 1-й пулеметной дивизии в академии стремилось 20 человек, но, в основном, в румынскую, французскую, польскую или немецкую академии или же на украинские курсы<sup>61</sup>.

После заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. в Риге положение украинской армии резко изменилось. Она оказалась уже не действующим, а бывшим союзником Польши, к тому же практически не имевшим своей территории. Без помощи поляков украинские войска были попросту не в состоянии противостоять частям Красной армии, испытывали нехватку боеприпасов и снаряжения. Армия УНР насчитывала тогда 3888 офицеров и 35 259 нижних чинов при 9000 лошадей, 74 орудиях, 8 бронепоездах и 3 аэропланах. Ликвидация остатков этой армии для красных была лишь вопросом времени. Судьба украинских войск была решена за одиннадцать дней боев с 10 по 21 ноября, после чего украинцы отступили на польскую территорию и сложили оружие.

В ноябре 1920 г. в Каменце-Подольском правительство УНР вновь рассматривало вопрос о курсах, но в связи с неудачами на фронте, оставлением города и отходом украинской армии и пра-

вительства за пограничную реку Збруч с последующим интернированием в Польше, вопрос остался открытым. Сторонники открытия курсов, тем не менее, не успокоились. В феврале 1921 г. в украинском военном руководстве в эмиграции возникла идея использовать свободное время в лагерях интернированных для организации обучения офицеров на курсах Генштаба и восполнения недостатка в младших офицерах Генштаба.

Кажется парадоксальным, что подготовка младших офицеров-генштабистов началась в украинских формированиях уже после интернирования армии в Польше и окончания активной вооруженной борьбы с красными. В то же время причина этого вполне понятна. Очевидно, что руководство УНР (как и оказавшиеся в эмиграции лидеры Белого движения) стремилось к военному реваншу, рассчитывая на поддержку поляков. Для реванша необходима была сильная и подготовленная армия, в связи с чем и была организована ускоренная подготовка кадров Генштаба. За время Гражданской войны многие украинизировавшиеся выпускники Николаевской военной академии (включая тех, кто окончил ускоренные академические курсы в годы Первой мировой), сделали головокружительную карьеру и дослужились до штаб-офицерских и генеральских чинов. В результате со всей остротой встал вопрос нехватки в украинской армии младших офицеров Генштаба.

В апреле 1921 г. из Ченстохова в Тарнов к военному министру УНР был вызван временно исполняющий должность 3-го генерал-квартирмейстера украинского ГУГШ полковник В.А. Сигарев (окончил два класса Николаевской академии Генерального штаба в 1898 г.), которому было поручено составить положение об ускоренных курсах для подготовки штабных офицеров, а также объехать лагерь и подыскать место для устройства курсов. Сигарев был добросовестным и ответственным работником. Яркую характеристику этого офицера привел в своих неопубликованных воспоминаниях генерал Янушевский: «К счастью, в Генеральном штабе под моим начальством служил 3-м генерал-квартирмейстером старый академик, б[ывшей] русской службы полковник Василий Афанасьевич Сигарев, с которым я познакомился уже по прибытии в Тарнов. Это был лучший тип старого офицера Гене-

рального штаба: воспитанный, прекрасно образованный, знаток военного дела и выдающийся специалист по воспитанию молодежи в военных училищах, — он был одарен еще двумя неопценимыми качествами — спокойным, уравновешенным характером и необычайной скромностью. Последняя его особенность и была, вероятно, причиной того, что этот в высшей [степени] ценный и нужный работник оставался в украинской армии незамеченным, в то время, как далеко младшие по службе, — не говоря уже о военных познаниях и опыте, — политические “дядчи” Удовиченко и Петров сделали такую головокружительную карьеру и давно уже были генералами...

Насколько были близоруки строители “майбутнеї Української Держави”, не использовав пребывания этого ценного человека в лагере, можно видеть из следующего ко мне письма из Калишского табора от 11-IX 1922 года:

“После Вашего отъезда только отъезд Василия Афанасьевича произвел здесь такое же сильное впечатление: между козаками идет разговор, что верно все кончено, если Генеральный штаб уезжает...”»<sup>62</sup>.

29 апреля 1921 г. военный министр УНР генерал М.В. Омелянович-Павленко приказал Сигареву поехать в лагерь в Вадовицах для организации школы Генштаба и курсов куренных офицеров. Первоначально допускалась возможность организовать курсы в каждом лагере<sup>63</sup>. Сигарев выполнил порученную ему работу добросовестно и подготовил военному министру обстоятельный доклад на эту тему. По его оценке, в ряде центров размещения украинских военных эмигрантов для курсов просто не существовало элементарных условий — не было помещений для занятий и проживания учащихся. Необходимо было учитывать и наличие педагогических кадров. В наибольшей степени соответствовал условиям создания курсов украинский беженский лагерь № 10 в Калише<sup>64</sup>, который был самым крупным и наиболее благоустроенным. Кроме того, всего в трех верстах от калишского лагеря находился другой украинский беженский лагерь в Щепиорно.

Лагерь в Калише возник еще в 1914 г. В декабре 1920 г. в нем были размещены остатки 3-й Железной стрелковой дивизии генерала А.И. Удовиченко, а позднее 2-й Волынской стрелковой

дивизии генерала А.А. Загородского. Также в Калише был размещен украинский военный госпиталь. Осенью 1921 г. сюда было переведено военное министерство УНР во главе с генералом А.М. Вовком. Кроме того, в лагерь перебралось немало представителей высшего командного состава украинской армии<sup>65</sup>. В общей сложности здесь размещалось несколько тысяч украинских солдат и офицеров.

Полковник Сигарев составил временное положение о курсах и их временный штат, предусматривавший 6 лекторов и 60 офицеров-слушателей<sup>66</sup>. По проекту Сигарева на курсы зачислялись по 8–10 лучших офицеров от каждой дивизии<sup>67</sup>. Согласно положению, целью курсов была подготовка младших офицеров для оперативной работы в войсковых штабах. В кратчайшие сроки требовалось дать слушателям практические навыки по службе Генштаба. В перспективе для этого предполагалось открыть национальную академию Генштаба, выпускники которой получали бы уже полноценное высшее военное образование.

Сигарев составил примерную учебную программу курсов. Предполагалось, что слушатели будут изучать общие принципы и историю стратегии, повторительный курс элементарной тактики и подробный практический курс, построенный на сопоставлении с тактикой иностранных армий, практических занятиях на картах и в поле и заканчивающийся военной игрой. В отношении военной истории Сигарев считал достаточным досконально изучить какую-либо одну кампанию. Слушатели должны были изучать технику штабной службы уровня штаба дивизии. Также было намечено изучение топографии, черчение схем, освоение геодезических инструментов. Слушателям должны были читаться курсы по артиллерии и коннице, включая изучение технических вопросов и роль в современной войне. Особняком стоял курс военной администрации, предусматривавший изучение принципов организации армии и родов войск, организацию украинской армии и армий других государств региона, военно-хозяйственные вопросы. Сигарев запланировал изучение курса военной статистики Украины и соседних государств, возможные будущие театры войны. Для укрепления национального духа был намечен курс украиноведения — история и география Украины,

украинская государственность, украинский язык и литература. Также предполагалось изучать польский язык.

Учебный план Сигарева включал 720 часов занятий и рассчитан был на 6 месяцев. Выпускники получали свидетельства, дававшие им право на поступление в будущем без экзаменов на младший курс украинской академии Генштаба мирного времени, а также назначались на должности в оперативных штабах армии УНР или в отделах Генерального штаба. Лучшие в выпуске из числа владеющих иностранными языками могли командироваться в иностранные военные академии. В разработке этих основополагающих документов Сигареву помогал подполковник С.Н. Вышемирский, окончивший ускоренные курсы 2-й очереди академии Генштаба в Петрограде и подполковник Б.Е. Снигирев, окончивший старший класс курсов 1-й очереди.

Подготовленные Сигаревым документы были рассмотрены начальником Генерального штаба генерал-хорунжим В.П. Сальским, военным министром генерал-хорунжим М.Д. Безручко и головным атаманом. Именно на основании этих документов и были организованы курсы. Всего планировалось зачислить на курсы 60 слушателей<sup>68</sup>.

В конце июля 1921 г. на совете старших начальников армии УНР в Калише было решено, наконец, приступить к непосредственному формированию курсов. Основным препятствием было отсутствие средств. Для непосредственной организационной работы в начале августа 1921 г. в Калиш был командирован подполковник Вышемирский, на которого была возложена вся подготовительная работа. Начальником калишского лагеря являлся слушатель ускоренных курсов академии Генштаба в Петрограде генерал-хорунжий Удовиченко, который оказал Вышемирскому всяческую поддержку.

Осенью 1921 г. были, наконец, открыты Ускоренные курсы по подготовке офицеров к службе в оперативных штабах армии УНР. Было решено не называть их курсами Генштаба — в лагерных условиях слушатели не могли получить соответствующей подготовки, а, кроме того, у слушателей могли появиться необоснованные претензии, которые подорвали бы престиж Генштаба в армии. Курсы давали знания даже в меньшем объеме, чем воен-

ное училище, не говоря уже о программе военной академии. Петлюра же именовал их курсами Генштаба<sup>69</sup>. Поскольку речь шла не о знаниях, а о марке Генштаба, украинские националисты рассчитывали противопоставить выпускников курсов враждебным украинской идее генштабистам русской школы, чтобы создать подлинно украинскую армию<sup>70</sup>. Однако политики националистического толка не учли того, что большинство преподавателей курсов в прошлом являлись офицерами русской армии. Отношение к ним в украинской армии было не особенно благожелательным, но, вместе с тем, от них настойчиво требовали передавать свои знания украинским офицерам. Думается, не случайно в украинском юмористическом журнале «Колючки», издававшемся в Ченстохове, была напечатана карикатура «Лекция по родному языку в Генеральном штабе», на которой были изображены в качестве школьников уже немолодые офицеры, читающие по буквам с доски надпись: «Пора уже всем научиться родному языку»<sup>71</sup>.

Аппарат управления состоял из начальника курсов, заведующего учебной частью, заведующего административно-хозяйственной частью, двух штаб-офицеров, заведующего слушателями, канцелярии и хозяйственного отдела<sup>72</sup>. 31 октября 1921 г. начальником курсов с правами командира отдельной бригады был назначен генерал-поручик Сергей Иванович Дядюша (26.09.1870—23.05.1933), генерал-майор русской армии, вступивший на путь украинизации в 1918 г. Карьеру в украинской армии Дядюша сделал при главном атамане С.В. Петлюре, пройдя путь от генерал-квартирмейстера Холмской группы войск до военного министра УНР (с 8 февраля по 24 марта 1921 г.), достигнув высшего военного поста, на какой только мог рассчитывать бывший русский офицер в лагере украинских националистов<sup>73</sup>. Дядюша входил в состав Высшего Военного Совета (Рады) УНР, который возглавлял генерал Юнаков<sup>74</sup>.

Сложно сказать, каковы были подлинные взгляды Дядюши. Казалось бы, выбор в пользу украинизации вполне определенно свидетельствовал о позиции генерала. В то же время украинство Дядюши было достаточно умеренным: он не собирался отказываться от русского культурного багажа, понимая его огромное богатство и значение. Этого было достаточно, чтобы в украинских

националистических кругах генерала считали нелояльным, но кадровый голод, особенно в отношении высококвалифицированных специалистов с высшим военным образованием, не позволял петлюровскому руководству отказываться от использования таких офицеров. Думается, наличие таких людей в украинском военном руководстве в немалой степени способствовало сдерживанию русофобских побуждений в кругах украинских националистов петлюровского толка.

Остро стоял вопрос о финансировании курсов. Средства предполагалось получить от украинской эмиграции в Чехословакии. Генерал Петров вспоминал, что получил два письма от Никиты Ефимовича Шаповала из Праги, представлявшего украинский общественный комитет в Чехословацкой республике<sup>75</sup>, от 6 сентября и 7 октября 1921 г., которые обнадеживали относительно возможного открытия курсов. Сам Петлюра 24 сентября сообщал о возможности открытия курсов только из средств Шаповала.

6 сентября начальник Генштаба УНР Петров выехал в Варшаву для переговоров с польским Генштабом об открытии курсов<sup>76</sup>. Несмотря на то, что после Рижского мирного договора, положившего конец советско-польской войне, правительство УНР не воспринималось поляками как значимая сила, миссия Петрова увенчалась частичным успехом: было получено разрешение польских властей на перевод в Калиш желавших пройти курс обучения. Однако перевезти слушателей из других лагерей удалось только в ноябре, причем нелегально, под видом партии рабочих<sup>77</sup>.

27 октября 1921 г. был издан приказ Головной команды войск УНР № 63 об открытии курсов и назначении командного состава. Уже 4 ноября были получены первые денежные средства на курсы, 266 000 польских марок, что дало возможность обзавестись необходимым имуществом, прежде всего, мебелью.

Начиная с 10 ноября, были проведены вступительные экзамены на знание уставов, по тактике за курс юнкерского училища, топографии и письменная работа — сочинение на военную, историческую или общую тему<sup>78</sup>. Для сдачи экзаменов прибыли 37 офицеров из 2-й, 3-й, 4-й и 6-й дивизий, а также из объединенной юнкерской школы. 7 офицеров были кадровыми

и 30 — военного времени. Как выяснилось, не все слушатели могли прибыть в лагерь, т.к. польская лагерная администрация препятствовала этому. Поэтому открытие второго класса было отложено. Зачислены были 35 человек. По всей видимости, экзамены были лишь формальностью, и отчислено было только два человека: слушатели даже не были предупреждены о необходимости сдавать экзамены и, соответственно, не готовились к ним<sup>79</sup>. Фактически от поступавших требовался минимум познаний в рамках программы военных училищ.

В воскресенье 20 ноября был отслужен молебен, и на правах старшего офицера Генерального штаба украинской армии генерал Янушевский выступил с речью о роли генштабистов в армии, отметив ограниченность программы курсов и сказав, что это никак не курс Генерального штаба<sup>80</sup>. Эта речь оказалась полной неожиданностью для слушателей, и о ней вскоре было доложено Петлюре. Янушевский вспоминал об этом эпизоде: «По выражению лиц старшин (т. е. офицеров. — А. Г.) — курсантов было видно, что их внимание впервые останавливается на этой теме. Мне показалось, что они недовольны, что от них так далеко уходит горизонт, на краю которого они видели уже и ученый знак, и ученый аксельбант, и высокое звание офицера Генерального штаба»<sup>81</sup>.

Учеба началась на следующий день, 21 ноября 1921 г. Учеба в беженских условиях давалась нелегко, тем не менее, слушатели калишских курсов были преисполнены энтузиазма. Один из них, сотник 6-й стрелковой дивизии Н.А. Россиневич, писал генералу В.Е. Змиенко 27 ноября 1921 г., что «приходится сидеть в шинелях и все время дуть в кулак, чтоб не замерзли руки, поскольку почти все приходится записывать, т. к. учебников нет»<sup>82</sup>. Приходилось дополнительно готовиться по вечерам, читать военную и общественно-политическую литературу<sup>83</sup>. Тем не менее, работа на курсах скрашивала однообразную лагерную жизнь беженцев, которую начальник курсов генерал Дядюша обоснованно называл в письме генералу Янушевскому от 11 сентября 1922 г. «здешним болотом»<sup>84</sup>. Организация учебного процесса в столь неподходящих условиях потребовала огромных усилий. Постоянно не хватало самых необходимых материалов<sup>85</sup>, в том числе канцеляр-

ских принадлежностей. Начальник Генштаба УНР генерал-хорунжий В.Н. Петров даже написал, что курсы являются делом государственной важности, которое не может быть провалено из-за отсутствия карандашей и бумаги<sup>86</sup>.

По свидетельству преподававшего на курсах генерала Янушевского, не было учебных пособий, а деньги, обещанные Петлюрой, отпускались в недостаточном количестве и неаккуратно. В результате, например, история франко-прусской войны 1870—1871 гг. читалась по курсу «Всеобщей истории» и энциклопедическим словарям. Более того, среди преподавателей вообще не было ни одного специалиста по военной истории<sup>87</sup>. Курс стратегии насчитывал всего 15 часов. Кстати, конспект этого курса, подготовленный генералом Янушевским, сохранился до наших дней. Он открывался теоретической частью с разъяснением слушателям значения терминов «стратегия» и «война»<sup>88</sup>. Генерал В.Н. Петров видел в курсах суррогат высшего военного образования для части офицеров<sup>89</sup>. Он отмечал, что, несмотря на обещания поддержки со стороны поляков в деле организации курсов, реальной помощи оказано не было. Сам Петров считал наиболее эффективным организовать подготовку офицеров в форме военного факультета университета, а не в виде самостоятельного учреждения.

7 августа 1922 г. генерал Дядюша составил подробный отчет начальнику Генерального штаба о деятельности курсов 1-й очереди. Генерал отметил, что по некоторым дисциплинам учебников не удалось приобрести вовсе, и лекторы готовились на основании собственных знаний и отрывочных данных из польской и французской периодической печати. Это относилось к таким курсам, как техника штабной службы, статистика и администрация. Как подчеркивал Дядюша, многие слушатели поступали на курсы для того, чтобы упорядочить свои знания, полученные на практике в годы войны. Однако первые же занятия показали, что слушатели мало что знали.

Преподавательский состав курсов был достаточно представительным. Как уже отмечалось, Положение о курсах разработал полковник В.А. Сигарев — выпускник Николаевской академии Генштаба, ему же по должности 3-го генерал-квартирмейстера и

были подчинены курсы в общем порядке, а уже через него — начальнику Генерального штаба. Заведующим учебной частью курсов стал подполковник С.Н. Вышемирский, окончивший ускоренные курсы Николаевской военной академии в Петрограде<sup>90</sup>. Заведующим административно-хозяйственной частью курсов стал полковник Бакланов-Петров, заведующим слушателями — полковник Рыбицкий, адъютантом курсов — сотник Шклярук.

Штат курсов предусматривал четырнадцать лекторов<sup>91</sup>. Подбором лекторов руководил сам начальник курсов генерал Дядюша. Как он сам позднее отмечал, были привлечены лучшие педагогические силы, имевшиеся в Калише. Курс стратегии читали выпускники академии Генштаба генералы Г.Е. Янушевский и В.М. Куш. 12 января 1922 г. генерал Дядюша обратился к генерал-хорунжему Н.А. Капустянскому с просьбой подготовиться к чтению лекций по военной истории<sup>92</sup>. В целом же распределение преподавателей по курсам было следующим: курс тактики читал генерал-поручик С.И. Дядюша, топографии — генерал-хорунжий А.И. Удовиченко, техники штабной службы — подполковник С.Н. Вышемирский, артиллерии — подполковник А.В. Липский, конницы — подполковник К.К. Цурканов, фортификации — полковник П.М. Критский, администрации и статистики — полковник С.Е. Рошицкий, военной истории — полковник П.А. Науменко, законоведения — сотник Ружицкий, хозяйства — сотник Журалев, украинского письмо преподавал сотник Ф. Крушинский, географию Украины — пан Добровольский, историю Украины и польский язык — поручик А. Коршновский, стратегию — генерал-поручик Г.Е. Янушевский<sup>93</sup>. Программа курсов была достаточно насыщенной. Занятия велись по 16 предметам. Всего было прочитано 364 часа лекций и проведено 165 практических занятий. Большой объем учебных часов был предусмотрен по гражданским дисциплинам, связанным с украинской тематикой, таким, как история и география Украины, а также украинское письмо. Слушатели, по данным начальника курсов, пропустили только 6,2% занятий<sup>94</sup>. Генерал Дядюша считал это хорошим показателем.

К началу марта 1922 г. на курсах закончились имевшиеся денежные средства. Обращения к начальнику Генштаба и коман-

дирам дивизий<sup>95</sup> результата не дали, и 6 марта занятия были прекращены вовсе, за исключением чтения рефератов и проведения репетиций, что не требовало никаких расходов. Перерыв в обучении не повредил слушателям и преподавателям, наоборот, они получили непродолжительный отдых. Только 20 марта начальник Генштаба передал курсам 20 000 польских марок, а командиры дивизий согласились помогать слушателям бумагой и карандашами. В тот же день работа курсов возобновилась. Весной на курсах начались полевые практические занятия. Наконец, 20 мая учебный курс был закончен.

В целом подготовка одного слушателя обошлась украинскому эмигрантскому бюджету в 22 700 польских марок. В общей сложности было израсходовано: 144 611 польских марок на обустройство помещений и покупку инвентаря; 92 790 польских марок на бумагу и канцелярские принадлежности; 16 200 польских марок — на хозяйственные нужды; 52 299 польских марок — на покупку учебников; 5350 польских марок — на командировки; 102 850 польских марок — на оплату работы лекторов; 100 000 польских марок составила материальная помощь слушателям и 30 000 — материальная помощь постоянному составу курсов, на устройство торжественного выпуска слушателей потребовалось 70 000 польских марок<sup>96</sup>. Итого расходы составили 614 100 польских марок.

Выпускные экзамены 1-й очереди курсов проходили с 22 мая по 20 июня 1922 г. Выпускников экзаменовали по тактике, стратегии, военной истории, технике штабной службы, истории Украины, географии Украины, украинскому письму, фортификации, топографии, законоведению, коннице, артиллерии, военной администрации, статистике и по польскому языку<sup>97</sup>. Лучшим по выпускному баллу оказался сотник В.Я. Шевченко, набравший с большим отрывом от других 11,87 балла. Все 27 выпускников были переведены в распоряжение начальника Генштаба и получили выпускные свидетельства.

Попробуем составить коллективный портрет слушателей и выпускников курсов 1-й очереди. Списки слушателей (в том числе отчисленных) и выпускников курсов в разрозненном виде сохранились среди делопроизводственной документации курсов и были нами опубликованы<sup>98</sup>.

Наиболее подробные данные обнаружены нами о слушателях именно 1-й очереди курсов. Известен возраст и образовательный уровень 34 человек из 36 поступивших<sup>99</sup>. Солидное гимназическое образование имели 13 слушателей (или 38,2%), еще 6 окончили учительскую семинарию и четверо — реальное училище, кроме того, 3 человека окончили кадетский корпус или военную гимназию и еще пятеро — высшее начальное, землемерное, коммерческое училища и городскую 4-х классную школу. Законченное высшее образование имели двое слушателей, 7 человек, видимо, в связи с войной не смогли закончить университет или учительский институт. Офицерами военного времени были не менее 27 человек или 79,4% известных нам слушателей. До 1915 г. стали офицерами лишь шестеро слушателей, не менее трех из них являлись кадровыми офицерами. Повышали свою квалификацию уже в офицерских чинах, пройдя различные дополнительные курсы или школы, четыре человека. Все слушатели, кроме одного, были выходцами из русской армии, лишь сотник А.В. Домарадский представлял австрийскую армию, будучи уроженцем Галиции.

По данным начальника курсов генерала Дядюши, из поступивших на курсы 7 офицеров окончили военное училище в мирное время, 30 окончили ускоренный курс военного времени, высшее образование имели 2 офицера, 1–2 курса университета окончили 3 человека, среднее образование имели 24 человека, ниже среднего — 3 человека и низшее — 5 человек<sup>100</sup>. Судя по всему, эти данные менее точны в сравнении с выявленными нами по спискам и служебным документам поступивших.

Из поступивших на 1-ю очередь курсов абсолютное большинство (61%) было представлено сотниками. Стоит отметить, что ко времени окончания курсов многие слушатели получили очередные воинские звания. Сотниками стали трое из четырех хорунжих и трое из пятерых поручиков, четверо сотников были произведены в подполковники и один подполковник дослужился до полковника.

На курсы были командированы 7 офицеров от 2-й Волынской стрелковой дивизии, 18 офицеров от 3-й Железной стрелковой дивизии, один офицер от 4-й Киевской дивизии, 4 офицера из объединенной юнкерской школы и 6 офицеров от 6-й стрелковой дивизии.

Курсы окончили лишь 27 человек из 36 зачисленных<sup>101</sup>. Интересно проследить взаимосвязь прежней подготовки с неудачей на курсах. К сожалению, об одном из недоучившихся сведений нет. Что касается остальных, то результат получается несколько неожиданным. Среди 8 недоучившихся, о которых есть подробная информация, двое слушателей с высшим образованием. Отчисление всех известных нам слушателей с высшим образованием (сотник Н.Т. Дехнич и подполковник Е.И. Макаренко) не может не вызывать удивление. Возможно, эти люди решили, что окончание курсов им ничего не даст. Также двое недоучившихся окончили военные училища до 1915 г. и, по крайней мере, один из них относился к кадровым офицерам. В отношении остальных отчисленных каких-то закономерностей выявить не удалось.

27 июня 1922 г. состоялся торжественный выпуск с выдачей свидетельств об окончании курсов каждому выпускнику. Выпускники на банкете несколько раз пили за здоровье отсутствовавшего генерала Янушевского, преподавание которого им особенно запомнилось. Кроме того, генералу был подготовлен благодарственный адрес, который он так и не получил, в чем видел проявление русофобии украинских националистических кругов, пытавшихся не допустить роста авторитета выпускника российской военной академии.

По окончании учебы выпускники были уволены в месячный отпуск, из которого должны были прибыть в распоряжение начальника Генерального штаба для назначения на должности в оперативных штабах армии УНР. Кроме того, они могли поступать без экзаменов в младший класс будущей украинской академии Генерального штаба и носить штабную униформу с аксельбантом.

20 июля выпускников в письме военному министру поздравил головной атаман С.В. Петлюра, который назвал первый выпуск курсов новым этапом развития украинской армии<sup>102</sup>. Петлюра отметил, что будет внимательно следить за работой в армии новых штабных офицеров и просил военного министра и начальника Генштаба проявить как можно больше энергии и инициативы для наиболее целесообразного использования полученных офицерами на курсах знаний и развития у этих офицеров интереса к

европейской военной науке, «главные ценности и достижения которой наш укрепленный молодыми элементами Генеральный штаб, я верю, с пользой пересадит на украинскую почву»<sup>103</sup>.

Украинское военное руководство отнюдь не считало окончивших курсы полноценными генштабистами. В частности, новый начальник Генштаба генерал-хорунжий В.М. Куц собирался командировать выпускников курсов для продолжения учебы в военные академии европейских стран<sup>104</sup>. Пятнадцать выпускников были рекомендованы продолжить учебу в польской военной академии<sup>105</sup>, однако вопрос не был решен до конца 1922 г.

По списку на 1 июня 1922 г. интернированная в лагерях украинская армия насчитывала 2863 офицера, 717 военных чиновников, 6920 казаков, 646 женщин и 274 ребенка, т. е. всего 11 420 человек<sup>106</sup>. Фактическая численность была существенно ниже. В самом калишском лагере, по данным на 30 мая 1921 г., находилось 4395 человек (максимальная численность за период с декабря 1920 по октябрь 1921 гг.), к 1 апреля 1922 г. в лагерях Калиш и Щепиорно числилось 5788 человек<sup>107</sup>. В дальнейшем численность интернированных в лагере неуклонно снижалась. Так, по данным на сентябрь 1922 г. из лагеря ежедневно в Советскую Россию уезжало по 30–40 человек, в связи с чем генерал Дядюша прогнозировал, что лагеря хватит не более, чем на месяц<sup>108</sup>. Он даже считал, что оставаться в лагере зимовать означало верную смерть, так как состояние лагерных бараков оставляло желать лучшего, холод чувствовался уже в сентябре<sup>109</sup>. К сентябрю 1923 г. в Калише и Щепиорно осталось 2753 интернированных<sup>110</sup>.

Возникает вопрос, зачем понадобилось готовить кадры работников Генштаба, если вся армия примерно соответствовала численности стрелковой дивизии РККА. К сожалению, разумного ответа на этот парадокс украинского военного строительства нет. Документы позволяют утверждать, что украинское военно-политическое руководство в это время не отказалось от интервенционистских планов в отношении Украинской ССР (напрашивается параллель с планами командования белых армий, отступивших с территории России), хотя состояние разгромленного украинского воинства, очевидно, не позволяло рассчитывать на успех подобной авантюры.

Еще в период работы курсов возникла идея открыть второй класс. Конкурсный отбор велся с 27 февраля, а начать обучения предполагалось 6 марта 1922 г. Условия зачисления были жесткими. Для занесения в кандидатские списки требовалась отличная аттестация и представление непосредственного начальства, не менее двух лет службы в офицерских чинах в украинской армии при условии, что офицеры не служили в армиях, враждебных идее украинской государственности (видимо, имелись в виду, прежде всего, красные и белые армии), кандидаты должны были иметь чин не выше подполковника, полное военное образование (полный курс юнкерского училища) либо за отсутствием такового значительный боевой опыт в украинской освободительной борьбе и в Первой мировой войне, также по возможности полное среднее общее образование. На курсы планировалось зачислить первых 30 офицеров по итогам экзаменов. Сбор поступающих велся в Калишском лагере<sup>111</sup>. Однако второй класс тогда не открылся, как по причине острейших материальных затруднений украинских властей, так и в связи с тем, что нашлось только семь желающих учиться из состава 5-й стрелковой и отдельной конной дивизий, которые прибыли на курсы по направлениям начальников дивизий еще в декабре 1921 г., но не были зачислены<sup>112</sup>.

Идея продолжения обучения выразилась в намеченном на осень 1922 г. открытии 2-й очереди курсов по подготовке офицеров штабной службы<sup>113</sup>. Приобретенный ранее опыт проанализировал полковник В.А. Сигарев, представивший результаты своей работы начальнику Генштаба. Сигарев не скрывал серьезных организационных упущений на курсах. По его мнению, для новой очереди курсов требовалось, прежде всего, провести ремонт помещений, приобрести учебники (хотя бы по одному на 4–5 слушателей по каждому предмету), а также предусмотреть помещения для подготовки лекторов. Еще одной проблемой была трудность организации полевых выходов, необходимых для практического освоения навыков службы Генштаба<sup>114</sup>.

Курсы 2-й очереди предполагалось открыть из расчета 35 слушателей. Каждому из слушателей должны были платить по 5000 польских марок в год. Всего на курсы требовалось 1 140 000 марок. 11 августа 1922 г. в поддержку открытия курсов 2-й очереди вы-

сказался Петлюра, по мнению которого в дальнейшем необходимо было открыть украинскую академию Генштаба<sup>115</sup>. Интересно, что в ходе обсуждения вопроса об открытии курсов 2-й очереди, возник вопрос о назначении нового начальника курсов. Альтернативным кандидатом относительно прежнего начальника генерала Дядюши был предложен генерал-хорунжий В.Е. Змиенко, также выпускник Императорской Николаевской военной академии<sup>116</sup>.

Впрочем, эти споры были отложены из-за нехватки средств. В 1922 г. курсы так и не открылись. Но обсуждение учебной программы украинским военным руководством продолжалось. Начальник Генштаба генерал Куш предлагал военному министру расширить практическую подготовку слушателей 2-й очереди, увеличить срок обучения с полугода до восьми месяцев и назвать курсы академическими<sup>117</sup>. Он ориентировался на пример Николаевской военной академии, организовавшей подобные курсы еще в 1916 г. По всей видимости, Куш хотел, чтобы украинские эмигрантские курсы Генштаба были не хуже российских.

В докладе генерала Куша генерал-инспектору армии УНР от 5 ноября 1922 г. отмечалось: опыт первого выпуска курсов показал, что «такие курсы или еще с расширенной программой крайне необходимы для Армии У.Н.Р., если желательно сохранить кадры армии и иметь в ее действующих Штабах знающих работников»<sup>118</sup>. Откладывая начало учебного процесса Куш считал нецелесообразным, т.к. быстрое падение курса польской марки могло отрицательно сказаться на судьбе курсов. Набор, по мнению Куша, должен был составить 30 слушателей, а учебный план состоять из 18 дисциплин. Особенно острым Куш считал вопрос с преподавателями. Он надеялся обеспечить их полекционной платой в размере 500 марок в час, а также жалованием в размере 15 000 марок в месяц. Куш полагал необходимым полностью обеспечить преподавателей, чтобы они не отвлекались от работы на курсах и не занимались дополнительными подработками. Оклад начальника курсов составлял 25 000 марок, заведующего учебной частью — 20 000 марок. Слушателям предлагалось выплачивать по 5000 марок ежемесячно. Учебники рассчитывали закупить в Варшаве, на что выделялось 500 000 марок, не считая командировочных расходов.

В конце декабря 1922 г. была созвана специальная конференция, обсуждавшая предстоявшее открытие курсов<sup>119</sup>. Одним из основных предметов обсуждения и спора стал вопрос о том, открывать ли подготовительные курсы или первый класс военной академии. Не меньшую остроту имел вопрос финансирования курсов, с чем не было никакой определенности. Споры разгорелись и относительно того, следует ли расширять учебную программу. В итоге было решено открыть академические курсы с расширенной программой, а, по возможности, также расширить знания выпускников курсов 1-й очереди. Кроме того, были определены преподаватели по основным дисциплинам: генерал В.М. Куш (стратегия), генерал В.Е. Змиенко и подполковник С.Н. Вышемирский (техника штабной службы).

На втором заседании комиссии 29 декабря детально обсуждались вопросы преподавания. Было принято решение вести элементарную и прикладную тактику силами разных преподавателей (генералы С.И. Дядюша, А.С. Пороховщиков, В.А. Сигарев и М.Д. Безручко<sup>120</sup>). Курс топографии решено было предложить генералу А.И. Удовиченко. Также были намечены преподаватели других дисциплин. По военной истории генерал Безручко должен был вести курс франко-прусской войны, Балканских войн и начало кампании 1914 г., а также украинскую освободительную борьбу. Генерал Капустянский был намечен для чтения курса истории Первой мировой. Историю военного искусства должен был читать генерал Петров, причем было решено добавить в курс примеры, связанные с Украиной. Курс военной администрации, который должен был читать генерал А.С. Галкин, планировалось также построить на украинской почве с учетом исторической и этнографической специфики региона. Военная статистика должна была читаться по прежней программе с добавлением обзора территории Украины в ее этнических границах. В качестве лекторов предлагались генералы П.К. Ерошевич и В.П. Сальский. На курсах было решено вести преподавание украинского языка, который многие офицеры знали плохо<sup>121</sup>. В качестве иностранного языка были намечены французский или немецкий.

Также возник вопрос о порядке зачисления на курсы. Вступительные экзамены некоторым из присутствующих казались в

беженских условиях нежелательными. Существовала даже вероятность того, что желающих поступить на курсы не окажется. На этот случай рассматривалась возможность обязательного командирования слушателей в приказном порядке. Также планировалось приглашать на занятия не прошедших обучение офицеров из калишского лагеря.

Литературу было решено закупить в Варшаве и за рубежом, а также обратиться за помощью в польский Генштаб для обеспечения картами и книгами из бывших военных библиотек. Лекции было решено стенографировать, а затем литографировать. Сами лекторы должны были предоставлять слушателям конспекты прочитанных лекций.

Интересно, что Петлюра в конце 1922 г. отдал личное указание относительно кандидатур некоторых лекторов. В частности, он пожелал, чтобы на курсах работали генералы Петров, Капустянский (курс истории военной борьбы 1918–1920 гг.), Безручко, Змиенко, Ерошевич, Сальский и Галкин (курс военно-административного права)<sup>122</sup>. Очевидно, этим генералам Петлюра тогда доверял.

Генерал В.Н. Петров 29 декабря 1922 г. обратился к начальнику Генерального штаба с докладом, в котором настаивал на необходимости открытия еще одного курса для выпускников 1-й очереди. Петров отмечал, что предполагается продолжить борьбу в удобный момент силами 6 пехотных и одной конной дивизий, каждая из которых имела трехбригадный состав. Эти дивизии будут объединены в две группы, которыми будет руководить штаб действующей армии. Также будет создан штаб запасных войск, отвечающий за пополнение армии. Петров допускал возможность самостоятельных действий каждой из бригад, для чего необходимы были грамотные начальники бригадных штабов, не говоря уже о подготовленных начальниках штабов дивизий и групп, генерал-квартирмейстерах, начальниках отделов разведки и контрразведки штабов групп и действующей армии<sup>123</sup>. Генштаб нуждался, как минимум, в пяти выпускниках курсов, а запасные войска — в трех. Всего, по расчетам Петрова, в начальный период предстоявшей войны с большевиками украинская армия нуждалась в 40 курсовиках для действующей армии,

в 5 курсовиках для Генштаба и в 3 — для запасных войск. Итого требовалось 48 специалистов с высшим военным образованием, готовых к самостоятельной работе.

На момент подготовки доклада Петрова в украинской армии имелось 18 выпускников российской академии Генштаба, причем не менее 8 из них должны были занимать высшие военные посты. Петров считал, что для удержания одной только Правобережной Украины могло потребоваться увеличение армии не менее чем в три раза, следовательно, необходимое количество генштабистов возрастало до 140 человек<sup>124</sup>. При этом Петров честно отмечал: «Те наши офицеры, что в этом году окончили штабные курсы, не годятся по их знаниям вести самостоятельную работу»<sup>125</sup>. По мнению генерала, работать украинские курсовики могли только под руководством подготовленных людей<sup>126</sup>.

Петров считал, что первый выпуск курсов можно именовать первым курсом академии и преподавать следующие дисциплины: историю военного искусства, операции мировой войны, историю украинской вооруженной борьбы, военную психологию, прикладную тактику и стратегию, администрацию иностранных армий, в особенности мобилизационный вопрос, сосредоточение войск и службу тылов, историю украинской культуры и украинского войска, украинский язык, углубленно один из иностранных языков. Самым главным Петров считал практические работы на планах по примеру тех, что велись на втором курсе Николаевской академии, когда слушатели оперировали группой из двух дивизий и разрабатывали все необходимые документы. Эти задачи, по мнению Петрова, могли заканчиваться диспутом по примеру дополнительного курса Николаевской академии, а также полевой поездкой. Только после такой подготовки, как считал Петров, офицеры первого выпуска будут готовы к самостоятельной штабной работе. Однако в эмигрантских условиях грандиозные планы генерала Петрова воплощены в жизнь не были.

Вопрос об учебной программе курсов оставался дискуссионным. 29 января 1923 г. был издан приказ Головной команды войск УНР № 5 о расширении программы обучения. Предписывалось добавить историю военного искусства, разбор истории украинской вооруженной борьбы в 1918–1920 гг. и краткий обзор Пер-

вой мировой войны, а также украинский язык, французский или немецкий языки по выбору слушателей, написание рефератов по военной психологии. Срок обучения был определен 8-месячный. Предполагалось открыть курсы в феврале 1923 г. и назвать их академическими. Петлюра считал, что главной задачей курсов было сформировать украинских офицеров-государственников, которые бы несли идею государственной дисциплины и были бы фанатичной ей преданы<sup>127</sup>.

Как вспоминал генерал Янушевский, «в начале 1923 года Петлюра “рассудку вопреки, наперекор стихиям”, снова пытался осуществить свою *idée fixe* — “академические курсы” Генерального штаба. На этот раз его подстрекал к этому генерал Шаповал»<sup>128</sup>. Однако полностью выполнить обещания украинские политики в Праге не смогли. Брат генерала Шаповала пообещал выплачивать по 2000 чешских крон ежемесячно, но не сдержал обещания. Генерал Н.А. Капустянский 12 октября 1923 г. в своем письме генералу Дядюше с копией генералу Н.Е. Шаповалу прямо обвинил украинский общественный комитет в Чехословакии и его руководителя Шаповала (брата генерала Николая Ефимовича Шаповала — Никиту) в нецелевом расходовании средств, выделенных на курсы<sup>129</sup>.

Начальник курсов генерал Дядюша в письме 13 февраля генералу Янушевскому выразил мнение, что для академических курсов у украинской военной эмиграции попросту не было преподавательского состава, так как не каждый окончивший военную академию мог преподавать. Скептически оценивая некоторые инициативы украинского руководства в военной области, Дядюша считал попытку открыть военную академию показухой<sup>130</sup>. Однако именно Дядюше Петлюра доверил руководство подготовкой на территории Польши кадров украинских генштабистов для будущего похода на Советскую Россию. Как говорят, головной атаман плохо разбирался в людях.

Академические курсы, по данным на 22 февраля 1923 г., насчитывали 34 слушателя, 10 офицеров, 6 лекторов и 3 казака. Из-за отсутствия денег учебный процесс не начался и в марте 1923 г. Ежемесячный расход на курсы требовал одного миллиона польских марок или 2000 чехословацких крон<sup>131</sup>. По свидетель-

ству полковника Критского, остававшегося в Калише в апреле 1923 г., уверенности в открытии новых курсов не было. Многие записавшиеся на них исчезли, а денег для открытия по-прежнему не хватало<sup>132</sup>.

И все же 23 мая 1923 г. было решено начать обучение. Начальником курсов по-прежнему остался генерал Дядюша, заведующим учебной частью — подполковник С. Вышемирский<sup>133</sup>, заведующим административно-управленческой частью — подполковник Д. Быстрицкий, библиотекарем и адъютантом — сотник Шклярчук, заведующим слушателями — сотник Федоровский, делопроизводителем хозяйственной части — административный подхорунжий Цимбал, казначеем — административный хорунжий Гринько. Должность делопроизводителя учебной части была вакантной<sup>134</sup>.

Учебный план был рассчитан на 12 месяцев и включал 960 часов занятий, в том числе 240 часов выпускных экзаменов. Лекторами, по данным на 30 августа 1923 г., были 15 человек: генерал-хорунжие В.М. Куш, А.И. Удовиченко, А.С. Пороховщиков, В.Н. Петров, В.Е. Змиенко, Н.А. Капустянский, М.Д. Безручко; жена генерала Пороховщикова; подполковник В.П. Евтимович, профессор В. Прокопович (начальник культурно-просветительского управления армии УНР), военный инженер генерал-хорунжий А.И. Козьма, полковник П.А. Науменко, сотник И. Зубенко, военный инженер полковник П.М. Критский и подполковник К.К. Цурканов<sup>135</sup>.

18 июля 1923 г. генерал Дядюша получил 930 240 польских марок на нужды академических курсов<sup>136</sup>. По поводу финансирования новых курсов и их организации он писал переехавшему в Брест полковнику Сигареву 29 июля: «Между прочим, еще в конце прошлого года Шаповал заявил на собрании по поводу моих курсов, что Прага гарантирует ежемесячно на курсы 2 [тысячи] корон, почему они (курсы) и предполагались к открытию, но выдал мне в январе 1 мил. марок (хотя должен был выдать 1.120.000) на первоначальные затраты (так в документе. — А. Г.) в конце января заявил, что Прага отказывается давать курсам деньги, а потому он будет их субсидировать из сумм комитета, но уже только в размере 1 тыс. корон в месяц. Пришлось согласиться и на

это. В мае он выдал мне 1 мил. марок (по курсу должен был дать 1.340.000), в июне дал 1.500 тыс. (курс 3.210.000). За июль еще ничего не выдал, но есть слух, что на днях даст 2 мил. и курс сейчас 4.200 тыс. Благодаря моей необычайной скаредности в расходах, я курсы пока веду, считая, что все работают даром, так как нельзя считать за вознаграждение преподавателю 5 тыс. за декаду и по 1 тыс. мар. за лекцию, (здесь и далее подчеркнуто красным карандашом адресатом. — А. Г.) а своим урядовцам (чиновникам. — А. Г.) по 15 тыс. в месяц, конечно, работают кое-как, но у слушателей возбужден все-таки большой интерес к знанию»<sup>137</sup>.

Проблема финансирования стояла очень остро. Видимо, в этой связи сохранившиеся документы слушателей и преподавателей написаны, в основном, карандашом. 19 октября 1923 г. генерал Дядюша писал полковнику Сигареву: «Курсы содержались на счет Пражск[ого] Укр[аинского] комитета. В декабре прошлого года, когда была созвана первая конференция, Шаповал при всех обещал, что Пражск[ий] комитет будет ежемесячно выплачивать 2.000 чешск. корон, причем члены конференции высказались, чтобы деньги выплачивались в коронах, на что Шаповал согласился. Фактически 1го января он выдал миллион марок (когда сам сказал, что короны по 560 м[арок]), а затем уже в мае заявил, что Прага платить отказывается и что он из средств калишского комитета будет выплачивать ежемесячно по 1000 корон, на самом же деле в конце каждого месяца уплачивал марками по официальному курсу не более 500 корон, а если считать неофициальный, то и меньше, т[ак] ч[то] к 1му сентября вместо 11 миллион[ов] марок он мне выдал только 5.600.000»<sup>138</sup>.

Несмотря на плачевное финансовое положение, учебный курс все же был завершен, и с 8 апреля 1924 г. начались выпускные экзамены, длившиеся целый месяц<sup>139</sup>, а в мае 12 выпускникам были выданы свидетельства об окончании курсов. Второй выпуск курсов стал последним: к концу лета 1924 г. лагеря интернированных в Польше были ликвидированы<sup>140</sup>. Армия УНР к этому времени также уже стала достоянием истории, поэтому в дальнейшем выпускники курсов, разумеется, не несли службу Генерального штаба, а работали в различных организациях Украинского центрального комитета в Польше.

Еще одним способом подготовки национальных кадров генштабистов была отправка украинских офицеров на учебу в иностранные военные академии. Прежде всего, речь шла о военно-учебных заведениях Польши и Румынии. Видимо, самым первым на учебу в Высшую военную школу Румынии был направлен летом-осенью 1920 г. сотник Я. Чайковский — выходец из Бессарабии, имевший все основания получить румынское гражданство, но не использовавший эту возможность.

Чайковского поначалу принимали как дорогого гостя, представителя союзной державы. Он был представлен военному министру Румынии, начальнику Генерального штаба и начальнику школы. Как оказалось, Чайковский был первым иностранным слушателем румынской военной академии<sup>141</sup>. На параде 17 мая 1923 г. начальник румынской академии даже будто бы заявил ему: «Давайте, давайте своих офицеров», имея в виду украинцев<sup>142</sup>.

Своему украинскому начальству Чайковский докладывал о хорошей постановке учебного процесса. По его свидетельству, лекции в школе шли через день, давался свободный день для подготовки, к тому же в ходе лекций не пересказывались учебники, а лишь пояснялись. В лекционные дни на классные занятия давалось четыре часа. После обеда лекций уже не было, слушатели занимались верховой ездой, фехтованием и практическими занятиями. Чайковского поражало то, что в академии обучали владеть автомобилем, мотоциклом и самокатом, «чтобы подготовить не тепличного, а полевого офицера Генштаба»<sup>143</sup>. Однокашниками Чайковского были капитаны и майоры румынской армии.

По мнению Чайковского, румыны копировали систему подготовки французской высшей военной школы, «двери которой для нас вряд ли скоро откроются»<sup>144</sup>. Учебным планом были предусмотрены следующие предметы: служба генерального штаба (35 лекций), тактика пехоты (65 лекций), тактика конницы (15 лекций), тактика артиллерии (30 лекций), военная история (95 лекций), фортификация (30 лекций), оружие (30 лекций), военная администрация (15 лекций), санитарная служба (15 лекций), организация (20 лекций), мобилизация (20 лекций), топография (20 лекций), прикладные знания (20 лекций), всеобщая история (20 лекций), всеобщая география (20 лекций),

политэкономия (10 лекций), науки политические и социальные (10 лекций), авиация (10 лекций), воздухоплавательная техника (20 лекций), стенография (20 лекций), болгарский язык (65 лекций). Последние два предмета в академии появились только в 1920 г.

Чайковского всячески поддерживали украинские представители в Румынии. Генерал-поручик С.Н. Дельви́г, глава чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии, писал начальнику Генштаба 5 ноября 1920 г. о важности для молодой украинской армии командирования офицеров в румынскую академию.

11 июля 1922 г. Чайковский писал Дельви́гу о финансовых трудностях, просил решить вопрос с дальнейшим финансированием его обучения, так как миссия ликвидировала свои финансовые дела и сама находилась в тяжелом материальном положении<sup>145</sup>. В сентябре 1922 г. Чайковский обучался на третьем курсе академии, получал стипендию от посольства УНР, а когда денег не стало, начал выходить из положения самостоятельно<sup>146</sup>. Материальные условия Чайковского с прекращением украинского финансирования в 1922 г. резко ухудшились, не спасало даже наличие родственников в Бессарабии, к которым Чайковский приезжал в период обучения<sup>147</sup>. Приходилось подрабатывать переводами, работать в бессарабском кооперативе<sup>148</sup>. Совмещать учебу с работой было практически невозможно. Несмотря на материальные и моральные трудности, Чайковский окончил академию по первому разряду. По мнению генерала Янушевского, украинские власти просто бросили Чайковского, хорошо учившегося в академии, на произвол судьбы<sup>149</sup>.

После окончания обучения Чайковский командовал дивизионом при 1-м тяжелом артиллерийском полку. Как отмечал он сам, денег не хватало катастрофически, но офицер держался, как мог<sup>150</sup>. Впрочем, уже 16 октября 1923 г. Чайковский был арестован<sup>151</sup>.

Много лет спустя, в мае 1940 г., генерал Дельви́г сообщил в письме генералу В.Н. Петрову подробности румынской одиссеи Чайковского. Украинская миссия в Бухаресте потратила на его обучение последние имевшиеся средства. Хорошим было отношение и со стороны румынских властей. Однако слушатель не оправдал возлагавшихся на него румынами и украинцами надежд. К

моменту окончания академии Чайковский стал большевистским информатором, сообщая сведения как о положении украинской военной эмиграции, так и о состоянии румынской армии, которую прекрасно изучил изнутри. Кроме того, его обвиняли и в работе на Болгарию. Когда это выяснилось, супруга Чайковского (в прошлом, народница и сестра милосердия в России) выбросилась из окна, а сам он был осужден на семь лет тюремного заключения. Генерал Дельвиг считал, что на месте румынских властей Чайковского следовало казнить<sup>152</sup>.

В феврале 1921 г. румыны выделили украинским офицерам еще одну вакансию в Высшей военной школе<sup>153</sup>. Проблема заключалась в том, что украинские офицеры, как правило, не знали румынского языка. На вакансию претендовали хорунжий Маковский, сотники Козловский и Чорний-Лучко и некоторые другие украинские офицеры. В 1923 г. Высшая военная школа Румынии предоставила для украинских офицеров уже четыре учебных вакансии, за которые среди ветеранов украинской армии развернулась борьба<sup>154</sup>. Румынские власти даже разрешали слушателям прослужить один год в румынской армии, в одном из лучших гарнизонов города Питемри, для знакомства с румынскими вооруженными силами<sup>155</sup>. На учебу хотели отправиться полковник А.И. Кмета, сотники И. Якимчук и И. Яворский. Однако румыны были готовы обучать украинских офицеров только за их же счет<sup>156</sup>. Таких возможностей ни у самих претендентов, ни у украинского эмигрантского руководства не было, поэтому кандидатам пришлось ограничиться обучением на украинских курсах.

Вполне возможно, что сотник Чайковский в итоге оказался единственным украинским выпускником румынской академии. Во всяком случае, документально известно, что два года в румынскую академию украинских офицеров не отправляли, а в 1923 г. румыны начали переговоры с СССР, в результате чего обучение украинских антибольшевистских кадров стало нежелательным, и, как свидетельствовал украинский посол в Румынии К.А. Мациевич, последовал вежливый отказ под предлогом отсутствия вакансий<sup>157</sup>. Безусловно, свою роль сыграл и шпионский скандал с Чайковским, от которого, таким образом, большевики получили двойную выгоду. Сохранились свидетельства о том, что в

румунскую академию в 1929 г. пытались попасть сотники Шевченко, Орел-Орленко, Иванов, подполковник Кмета<sup>158</sup>. Вопрос курировал генерал Юнаков, но, похоже, офицеры вновь не добились своего, в том числе из-за стоимости виз. На этом эпопея с украинцами в румынской академии, судя по выявленным документам, завершилась.

Подготовка украинских офицеров в польской военной академии была сопряжена со своими трудностями. Вопрос был инициирован в 1926 г. военным министром УНР генералом В.П. Сальским. В среде украинской военной эмиграции из числа членов товарищества бывших воинов армии УНР нашлось десять кандидатов на обучение (поручик Абрамович, генерал-хорунжий А.Д. Алмазов, сотник И. Зварийчук, сотник А.Н. Иванов, полковник А.И. Кмета, сотник А.П. Костюченко, сотник К.В. Реутов, поручик Скубий, полковник В.З. Филонович, сотник В.Я. Шевченко, подполковник В.Ф. Прохода первоначально согласился, но впоследствии отказался)<sup>159</sup>. Как видим, имена некоторых претендентов с годами не менялись (Иванов, Кмета, Костюченко, Реутов и Шевченко были слушателями и выпускниками калишских курсов), что свидетельствует как о небольшом количестве украинских офицеров-эмигрантов, стремившихся к получению высшего военного образования, так и о том, что ранее этот вопрос в их отношении решен не был.

После того, как в мае 1926 г. был убит С.В. Петлюра, генерал Сальский занялся проверкой кандидатов с точки зрения лояльности идеалам украинского национализма<sup>160</sup>. Дело в том, что выбор покойного головного атамана нередко оказывался неудачным. Так, обучавшийся в Румынии сотник Я. Чайковский оказался советским агентом, а выпускник калишских курсов И.М. Орел-Орленко стал сменовеховцем.

В 1927 г. Сальский добился разрешения украинским офицерам обучаться в Высшей военной школе в Варшаве. Предполагалось отправлять на учебу младших офицеров в чине до сотника включительно. В дальнейшем они должны были служить в польской армии по контракту<sup>161</sup>. Наиболее активно подготовка поляками бывших украинских офицеров велась в начале 1930-х годов. Осенью 1931 г. в академию поступили сотники армии УНР

(майоры польской армии) А. Валийский и П. Самутин<sup>162</sup>. Формально эти офицеры, окончившие академию в 1933 г., уже находились на польской военной службе, хотя и должны были регулярно отчитываться перед генералом Сальским. Также в Высшей военной школе обучались и другие украинские офицеры: генерал-хорунжий (подполковник польской армии) П.Ф. Шандрук (1936–1938), полковники (майоры) П.Г. Дьяченко (1932–1934) и В. Малец (Мальцов) (1934–1936), сотник (майор) Н. Палиенко (1932–1934), сотник (ротмистр) И. Зварийчук (обучался в 1938), поручик В. Татарский (1937–1939)<sup>163</sup>. Всего через обучение в Высшей военной школе к 1939 г. прошли восемь украинских офицеров. Практически все они (о Зварийчуке данных обнаружить не удалось) в годы Второй мировой войны служили в дивизии СС «Галичина» или в других нацистских формированиях. Готовившие их поляки явно не преследовали цели поставлять Гитлеру квалифицированных командиров (впрочем, равно как и Россия, в которой они получили первоначальное военное образование и офицерские чины). Кроме украинцев в межвоенный период обучение в академии проходила целая группа грузинских офицеров. Переподготовка поляками украинских и грузинских офицерских кадров логично встраивалась в антироссийскую идеологию прометеизма Ю. Пилсудского, направленную на расчленение СССР путем поддержки националистических движений нерусских народов СССР<sup>164</sup>.



История подготовки украинских кадров Генштаба в эпоху Гражданской войны и первых лет эмиграции чрезвычайно интересна. В самый сложный период Гражданской войны 1917–1920 гг., когда квалифицированные генштабисты были особенно необходимы украинскому руководству, их подготовка по разным причинам, несмотря на целый ряд достаточно серьезных попыток, так и не была организована. Тем не менее, за эти годы в украинском военно-политическом руководстве сложилось примерное понимание того, какие специалисты нужны украинской армии и какой объем подготовки будет для них достаточен.

Однако головной атаман С.В. Петлюра плохо разбирался в людях и еще меньше — в специальных военных вопросах. Укра-

инские курсы Генштаба или даже национальная академия Генштаба для него и его окружения являлись, в первую очередь, необходимым статусным атрибутом полноценного национального государства и полноценной армии, а уже во вторую очередь имело значение качество подготовки и подлинная необходимость подобных излишеств в не представлявшей собой большой силы украинской армии. На всем протяжении 1919–1921 гг., когда вопрос открытия украинского высшего военно-учебного заведения активно обсуждался с участием самого Петлюры, головной атаман мечтал о скорейшем начале подготовки национальных военных кадров Генштаба. Парадокс в том, что реальная подготовка кадров была начата тогда, когда острой потребности в них украинская армия уже не испытывала, поскольку не вела никаких боевых действий, а находилась в лагерях интернированных на территории Польши.

Опыт работы курсов в Калише достаточно показателен, причем не только с точки зрения того, как можно готовить специалистов Генштаба в экстремальных условиях беженского лагеря при минимуме средств и возможностей. Украинские политические деятели в первые годы эмиграции не оставляли реваншистских планов и стремились в сжатые сроки подготовить достаточное количество специалистов Генерального штаба для нового похода на Советскую Россию. Эти кадры должны были быть национально ориентированными. Однако краеугольным камнем всего украинского военного строительства эпохи Гражданской войны была его опора на офицерство старой русской армии, которое далеко не всегда разделяло взгляды украинских националистов. Именно старые русские генштабисты вели подготовку кадров Генштаба в калишском лагере, что не могло не накладываться свой отпечаток и на взгляды слушателей.

История курсов продемонстрировала слабые стороны украинского военного строительства. Прежде всего, отсутствие должного единства среди украинских офицеров. Уже первые выпускники стали противопоставлять себя старым офицерам, прежде всего, по вопросу национальной ориентации, так как считали старшее поколение недостаточно украинизированным. Положение офицеров старшего поколения было незавидным.

Многие представители этой категории добросовестно несли службу, однако в ответ сталкивались с недоверием и неприязнью националистически настроенной молодежи. То, что все эти проблемы активно проявлялись в период интернирования украинских войск, говорит об их наличии в украинской армии и во время Гражданской войны.

Попытка организации курсов показала и то, что украинская политическая элита слабо разбиралась в военных вопросах и плохо ориентировалась в политической ситуации. Фактически наспех подготовленные кадры Генштаба оказались невостребованными, поскольку украинцы просто не имели достаточных сил и возможностей для развертывания новой борьбы с большевиками. Число сторонников такой борьбы постоянно уменьшалось. Новый поход украинских войск на Советскую Россию в первой половине 1920-х гг. был бы авантюрой и не состоялся по целому ряду причин. Точно так же, как не состоялся аналогичный поход эмигрировавших участников Белого движения. По сути, калишские курсы лишь дали возможность группе украинских офицеров с пользой для себя скоротать время однообразной жизни в лагерях интернированных на чужбине.

Действительно стремившихся к военным знаниям украинских офицеров было крайне мало. Анализ попыток подготовки украинских кадров Генштаба в зарубежных военных академиях свидетельствует о том, что на протяжении 1920-х – 1930-х годов получить высшее военное образование пытались буквально одни и те же люди. Фактически речь идет лишь о нескольких десятках наиболее активных украинских офицеров из всей украинской эмиграции. Нельзя не отметить, что те из них, кто сумел добиться желаемого, не нашли в дальнейшем применения своим знаниям на украинской почве, а оказались вовлечены в события Второй мировой войны на стороне и в интересах нацистской Германии.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 12. Л. 12об.

<sup>2</sup> Герасименко М.В. Підготовка старшинських кадрів в українських національних державних утвореннях (березень 1917 – листопад 1920 рр.). Дисс. к.и.н. К., 2005.

<sup>3</sup> Срібняк І. Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). К., 1997. С. 50–56; *Он же*. Військова діяльність уряду УНР в екзилі

(1921–1923 рр.). Дисс. к.и.н. К., 1995. С. 78-87; *Он же.* До початків заснування Української воєнної академії Генерального штабу // *Вісті комбатанта* (Торонто — Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 60–67; *Срібняк І., Кучер В.* Фахова підготовка старшин Генерального штабу Армії УНР у 1921–1923 р.р. // *Розбудова держави* (Київ). 1996. № 7. С. 28–32.

<sup>4</sup> *Kolańczuk A.* Internowani żołnierze armii UNR w Kaliszu 1920-1939. Kalisz-Przemysł-Lwów, 1995.

<sup>5</sup> *Колянчук О.* Українська військова еміграція у Польщі. 1920-1939. Львів, 2000. С. 121–123.

<sup>6</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 312.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, ЦДАВОУ). Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 27.

<sup>10</sup> Там же. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 21. Л. 2.

<sup>11</sup> Там же. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

<sup>12</sup> *Герасименко М.В.* Указ. соч. С. 58, 88.

<sup>13</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 63. Л. 15об.

<sup>14</sup> Там же. Оп. 6. Д. 21. Л. 3об.

<sup>15</sup> Списочный состав см.: Там же. Л. 7.

<sup>16</sup> Там же. Д. 8. Л. 4.

<sup>17</sup> Там же. Л. 9.

<sup>18</sup> *Герасименко М.В.* Указ. соч. С. 86.

<sup>19</sup> *Свтимович В.* Омелько Сергієвич Остапура-Степовий (Астафьев), війська українського генеральний хорунжий // *Літопис червоної калини*. 1937. № 7–8. С. 32.

<sup>20</sup> Национализм — идеология, основанная на принципе ценности нации как высшей формы общественного единства и ее первичности в процессе создания государства. Ключевой составляющей идеологии украинского национализма, главным показателем принадлежности к этой идеологии, как в период Гражданской войны, так и сегодня является резкое неприятие всего, что связано с Россией и русскими, которых украинские националисты традиционно именуют «москалями».

<sup>21</sup> См. фото: *Тинченко Я.Ю.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. К., 2007. С. 21.

<sup>22</sup> *Свтимович В.* Початки українського військового шкільництва в 1917–1918 р. // *Літопис червоної калини*. 1937. № 12. С. 8.

<sup>23</sup> Там же. С. 10.

<sup>24</sup> *Герасименко М.В.* Указ. соч. С. 124.

<sup>25</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 32.

<sup>26</sup> Там же. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 839.

<sup>27</sup> Там же. Л. 893об.

<sup>28</sup> Там же. Л. 1023.

<sup>29</sup> *Герасименко М.В.* Указ. соч. С. 124.

<sup>30</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.

<sup>31</sup> Там же. Л. 220.

<sup>32</sup> Недавно в России была переиздана его работа, посвященная истории Северной войны — *Юнаков Н.Л.* Северная война: кампания 1708-1709 гг. с точки зрения стратегии, тактики и истории военного искусства // *Защита Отечества: Наука побеждать, заветы и уроки Петра Великого*. М., 2010. С. 262–302.

<sup>33</sup> *Капустянский М.* Похід Українських Арій на Київ — Одесу в 1919 році (Короткий військово-історичний огляд). Кн. 2. Мюнхен, 1946. С. 127–128.

<sup>34</sup> *Шапошников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 131.

- <sup>35</sup> Петрів В. Військово-історичні праці. Спомини. К., 2002. С. 601.
- <sup>36</sup> Юнаків М.Л. Матеріали для мого життєпису // Тризуб (Париж). 1931. 30.08. С. 6.
- <sup>37</sup> Там же. С. 9.
- <sup>38</sup> ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об. Публикацію документа см.: Ковальчук М. Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. К., 2006. С. 450–461.
- <sup>39</sup> Мазена І. Україна в огні й бурі революції. К., 2003. С. 257–258.
- <sup>40</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.
- <sup>41</sup> Герасименко М.В. Указ. соч. С. 128.
- <sup>42</sup> См. Армія и фльота України (Київ). 1918. № 1. С. 68–70.
- <sup>43</sup> Подробнее об этом см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 92–98, 129–130; Он же. «Незалежні» генштабисти // Родина. 2009. № 8. С. 116–120.
- <sup>44</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. 109.
- <sup>45</sup> Там же. Л. 110.
- <sup>46</sup> Там же. Л. 112.
- <sup>47</sup> Там же. Л. 112об.
- <sup>48</sup> Там же. Д. 226. Л. 39.
- <sup>49</sup> Там же. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 2. Публикацію цього документа см. в: Петрів В. Військово-історичні праці. Листи. К., 2004. С. 367–369.
- <sup>50</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.
- <sup>51</sup> Там же. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 63. Л. 13–13об.
- <sup>52</sup> Там же. Л. 14. Здесь и далее в цитатах переводы с украинского языка выполнены автором. — А.Г. Публикацію документа см.: Петлюра С. Статті. Листи. Документи. Т. IV. К., 2006. С. 419–420.
- <sup>53</sup> Там же. Д. 167. Л. 2.
- <sup>54</sup> Курсы Генштаба при начальной команде Украинской галицийской армии создавались для подготовки офицеров на низшие должности Генштаба (уровень штаба бригады). Продолжительность курса составляла всего восемь недель. Офицеров на курсы направляло командование армии до командиров корпусов включительно — ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 66. Л. 9. К сожалению, в моем распоряжении нет данных о том, функционировали ли эти курсы или же так и остались в проекте.
- <sup>55</sup> ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 66. Л. 7об. –8.
- <sup>56</sup> Там же. Л. 134.
- <sup>57</sup> Там же. Л. 121.
- <sup>58</sup> Там же. Л. 122об.
- <sup>59</sup> Там же. Л. 4.
- <sup>60</sup> Там же. Л. 12.
- <sup>61</sup> Там же. Л. 35.
- <sup>62</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–121.
- <sup>63</sup> Там же. Л. 85об.
- <sup>64</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 4. Всего на территории Польши было создано 22 лагеря для интернированных русских и украинцев — Karpius Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees kept in Poland in 1918–1924. Toruń, 2001. P. 136–137.
- <sup>65</sup> Колянчук О. Українська військова еміграція. С. 108.
- <sup>66</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 5.
- <sup>67</sup> Там же. Л. 8.
- <sup>68</sup> Центральный военный архив Польши (Centralne archiwum wojskowe im. majora Bolesława Waligory (CAW). I.380.7.9.
- <sup>69</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.
- <sup>70</sup> Там же. Л. 87.

- <sup>71</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 33. Л. 46об.
- <sup>72</sup> САУ. І.380.7.9.
- <sup>73</sup> Приказы войску УНР № 2 от 7 февраля 1921 г. и № 18 от 30 марта 1921 г. — *Петлюра С.* Статті, листи, документи. Т. 3. К., 1999. С. 377, 412.
- <sup>74</sup> О служебном пути генерала Дядюши см.: ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 359; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Января 1916 года (С приложением изменений по 1 Марта 1916 г.). Пг., 1916. С. 65; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е Января 1917 года (С приложением изменений по 8 Февраля 1917 г.). Пг. 1917. С. 64; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник. М., 2004. С. 505; *Волков С.В.* Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. М., 2009. С. 492; *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 440; *Тинченко Я.Ю.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. К., 2007. С. 150.
- <sup>75</sup> Украинский общественный комитет в Чехословацкой республике — частная добровольная организация, действовавшая при финансовой поддержке чехословацкого МИД. В состав комитета входило около сотни членов из числа украинских эмигрантов. Основан 7 июля 1921 г. по инициативе Н.Е. Шаповала и Н.Я. Григорьева. Функционировал до 1925 г. Главной задачей организации была материальная и юридическая помощь украинским беженцам. Подробнее см.: *Наріжний С.* Українська еміграція. Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). К., 1999. С. 76–79.
- <sup>76</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 191об.
- <sup>77</sup> Там же. Л. 193об.
- <sup>78</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 86.
- <sup>79</sup> Там же. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
- <sup>80</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 92.
- <sup>81</sup> Там же.
- <sup>82</sup> ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 6об.
- <sup>83</sup> Там же. Л. 7.
- <sup>84</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 13об.
- <sup>85</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 14об.
- <sup>86</sup> Там же. Л. 15об.
- <sup>87</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 92об.
- <sup>88</sup> Там же. Д. 12. Л. 12.
- <sup>89</sup> ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 2.
- <sup>90</sup> Там же. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 296. Л. 22.
- <sup>91</sup> Там же. Д. 226. Л. 5.
- <sup>92</sup> Там же. Л. 2.
- <sup>93</sup> Там же. Л. 78.
- <sup>94</sup> Там же. Л. 42.
- <sup>95</sup> Там же. Д. 167. Л. 17.
- <sup>96</sup> Там же. Д. 226. Л. 42.
- <sup>97</sup> Там же. Д. 167. Л. 24–24об.
- <sup>98</sup> *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 746–750.
- <sup>99</sup> Данные об образовательном цензе слушателей выявлены нами по: САУ. І.380.7.2; І.380.7.11; І.380.7.13. Судя по всему, данные, приведенные на этот счет в работах И. Срибняка, неточны. См., напр.: *Срибняк І.* До початків заснування Української воєнної академії Генерального штабу // *Вісті комбатанта* (Торонто — Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 63 и др.
- <sup>100</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 40.
- <sup>101</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 29–95, 119; САУ. І.380.7.2.
- <sup>102</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 96об.

- <sup>103</sup> Там же; также опубликовано в приказе Генеральному штабу УНР № 24 от 31.07.1922 — ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 246. Л. 26.
- <sup>104</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 98.
- <sup>105</sup> Там же. Л. 119.
- <sup>106</sup> Там же. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 838. Л. 353.
- <sup>107</sup> *Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees.* P. 136, 150.
- <sup>108</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.
- <sup>109</sup> Там же. Л. 14об.
- <sup>110</sup> *Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees.* P. 150.
- <sup>111</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 79.
- <sup>112</sup> Там же. Д. 226. Л. 41об., 74 (список этих офицеров); САУ. I.380.7.5.
- <sup>113</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 300. Л. 18.
- <sup>114</sup> Там же. Л. 24–24об.
- <sup>115</sup> Там же. Л. 38.
- <sup>116</sup> Там же. Л. 54об.
- <sup>117</sup> Там же. Л. 62.
- <sup>118</sup> Там же. Ф. 4007. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.
- <sup>119</sup> Там же. Л. 42.
- <sup>120</sup> Там же. Л. 43об.
- <sup>121</sup> Там же. Л. 44.
- <sup>122</sup> Там же. Л. 39.
- <sup>123</sup> Там же. Л. 40.
- <sup>124</sup> Там же. Л. 40об.
- <sup>125</sup> Там же.
- <sup>126</sup> Там же. Л. 41.
- <sup>127</sup> САУ. I.380.7.9.
- <sup>128</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 191об.
- <sup>129</sup> ЦДАВОУ. Ф. 4007. Оп. 1. Д. 20. Л. 7об.
- <sup>130</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 84об.-85.
- <sup>131</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 451.
- <sup>132</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.
- <sup>133</sup> По некоторым данным, позднее завучами были подполковник А. Вишневецкий и полковник П. Науменко — *Колянчук О.* Українська військова еміграція. С. 121. Однако источник этих данных мне неизвестен, а в выявленных мною документах курсов об этом не упоминается.
- <sup>134</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 506.
- <sup>135</sup> Там же. Л. 483. На 31 января 1923 г. в списке лекторов также значился Генштаба подполковник С.Н. Вышемирский, Генштаба генерал-поручик С.И. Дядюша, подполковник А.В. Липский, генерал-поручик П.К. Ершович, военный прокурор полковник Т.Г. Шалаев, сотник Крушинский, генерал-хорунжий Н.Е. Шаповал, но не указан сотник Зубенко. Для зачисления в качестве лекторов предлагали по курсу военной администрации генерал-полковника А.С. Галкина и по технике артиллерии генерал-хорунжего В.М. Свирику — Там же. Л. 504.
- <sup>136</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 1035. Л. 22.
- <sup>137</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 41-41об.
- <sup>138</sup> Там же. Л. 47-48.
- <sup>139</sup> ЦДАВОУ. Ф. 3527. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- <sup>140</sup> *Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees.* P. 160.
- <sup>141</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 26.
- <sup>142</sup> Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 31.

- <sup>143</sup> Там же. Л. 26.  
<sup>144</sup> Там же. Л. 26об.  
<sup>145</sup> Там же. Д. 103. Л. 2; Д. 298а. Л. 27.  
<sup>146</sup> Там же. Д. 298а. Л. 3об.  
<sup>147</sup> Там же. Л. 25об.  
<sup>148</sup> Там же. Л. 32об.  
<sup>149</sup> ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Ч. 2. Л. 85.  
<sup>150</sup> ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 27об.  
<sup>151</sup> Там же. Л. 61об.  
<sup>152</sup> ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 44-44об.  
<sup>153</sup> ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 2.  
<sup>154</sup> Там же. Д. 167. Л. 123.  
<sup>155</sup> ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 26об.  
<sup>156</sup> Там же. Л. 15.  
<sup>157</sup> Там же. Л. 51.  
<sup>158</sup> ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 355. Л. 101.  
<sup>159</sup> Там же. Оп. 2. Д. 267. Л. 228, 229об.  
<sup>160</sup> Там же. Л. 239.  
<sup>161</sup> Там же. Оп. 1. Д. 352. Л. 26.  
<sup>162</sup> Подробнее см.: *Самутин П.* Польська Вища Військова Школа // Вісті комбатанта (Нью-Йорк). 1964. № 4. С. 15–21; 1965. № 1. С. 24–31.  
<sup>163</sup> В работе А. Колянчука приведены неточные данные по этому вопросу, более достоверные сведения (в т.ч. списки всех выпускников) содержатся в специализированном справочнике о выпускниках польской Высшей военной школы — *Колянчук О.* Українська військова еміграція. С. 173–175; *Stawecki P.* Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1997. S. 117.  
<sup>164</sup> Подробнее см.: *Симонова Т.М.* «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919-1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–64.

